

Татьяна Ивановна Заславская, академик РАН

Я отношусь к поколению более старшему, чем шестидесятники. Когда наступили 60-е годы, мне уже было 33 года. Но это было очень большое счастье – «оттепель» и появление новых идей.

Я хотела бы сказать о том, как нам жилось до этого времени. Я в это время уже работала в Институте экономики, защитила кандидатскую диссертацию, но работать и «дышать» было совершенно невозможно. Например, вся библиотека была закрытой: книги выдавались по особому разрешению – по письменной расписке. На дискуссиях, которые, тем не менее, шли, - немедленно «затыкали глотку» тем, кто пытался говорить. То есть это была самая настоящая тюрьма.

Я закончила экономический факультет, и моя мечта была очень простенькая: разобраться в том, что представляет собой советская экономика, и почему законы социализма не работают – ни один из законов: закон распределения по труду существует, но он не выполняется; закон стоимости существует, но он не выполняется. И мне хотелось понять, что это такое. А для того, чтобы понять, надо было обращаться в Спецхран. А чтобы обратиться в Спецхран, надо было вступить в Коммунистическую партию. Без этого не пускали туда...

И такая жизнь – она была пустая, какая-то бессмысленная. Например, мы изучали экономику сельского хозяйства. Хотелось понять, почему же у нас такая нищая деревня? Но мы имели право получить только данные по району, а уже областные данные были совершенно секретные. И мы могли «изучать» один колхоз...

Поэтому для нас «оттепель» явилась огромным счастьем. И XX съезд, конечно. Волосы, так сказать, встали дыбом, и началось какое-то освобождение – освобождение мысли. Оно шло необыкновенно медленно, но те элементы «оттепели», которые все-таки постепенно пробивались, давали жизнь, как вода - сухой пустыне.

Мне кажется, говоря о шестидесятниках, нельзя рассматривать их как партию или какое-то политическое течение, потому что это были одиночки. Одиночки, которые собирались в небольшие дружеские кружки и на знаменитых «кухнях» могли обсуждать что-то по существу и пытаться добираться до правды собственными усилиями. Это, конечно, для нас было очень большим счастьем. И это было повсеместно. Маленькие кучки, - но они были повсеместно по всей России.

То, что сближало, что лежало в основе течения шестидесятников - это ценности, конечно. Какие это были ценности? Может быть, даже самой первой была ценность нашей страны, Советского Союза. Потому что мы мечтали (и нам же говорили!), что впереди будет коммунизм, нас учили, так сказать. Мы были очень патриотичны и очень нацелены на то, чтобы работать на благо Родины. И с этих позиций рассматривали, что хорошо и что плохо.

Вторая ценность – это правда, потому что мы тонули во лжи, просто тонули! Поэтому кусочки правды, оттуда или отсюда услышанные, во-первых, обогащали, а во-вторых, они же и создавали связи между людьми: я знаю то-то и рассказала этим-то, а мне рассказали это и т.д. И таким образом у нас расширялось знание о том, что действительно происходит в стране в отличие от того, что писалось в газете.

Третьей ценностью была свобода. Свободы практически тоже не было никакой. Но сам ветерок, который уже подул, дал надежду на свободу. И тогда уже появилась возможность, допустим, на партийном собрании выступить против каких-то идей. Собрание примет то решение, которое надо, а в коридоре парторг тебе скажет: «Молодец, правильно сказала». Или другие люди скажут.

Так шло постепенное формирование этого течения (шестидесятников), которое составляли, в основном, творческие люди. К 1968 году уже сильно все это развилось. Уже барды пели, и много чего другого делалось,

расправились плечи у людей. В 1968 году на это грубо наступили: были события в Праге - и снова жесткие меры.

Но люди уже могли бороться теми или иными средствами. Из опыта своей жизни могу сказать, как боролись.

Что значит бороться, если ты ученый? В 1958 году мне поручил ЦК КПСС фундаментально доказать (дали два года на это), какая разница в производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Мы с подругой два года работали, не разгибаясь, поскольку это была громадная работа. Производительность труда совсем непросто исчисляется. Мы получили результат в среднем и получили результаты по каждой конкретной отрасли. Написали на 80-ти страницах доклад и примерно три четверти книги. Назначили обсуждение в Большом зале Института экономики. Утром мне звонит секретарь директора Института и говорит: вас срочно вызывает директор. А заседание в 12 часов. Большой скандал: у всех, кому уже развезли экземпляры доклада, их отбирают. ЦСУ заявило, что это неверно, страшная ошибка, поскольку у нас получилось: мы отстаем от США в 4-4,5 раза в среднем по сельскому хозяйству и примерно, в 1,5 – по зерновым, до 12 раз – по мясу, молоку.

Собрали все экземпляры доклада - у меня не осталось ни одной странички, закрыли все черновики в сейф, без доступа. И сказали, что нас надо судить, потому что мы злодеи и т.д. Мы разобрались потом с ЦСУ. Они вынуждены были признать, что правы все-таки были мы, и сказали, почему же так получилось. Оказалось, что Хрущев за несколько дней до этого сказал, что мы отстаем в 3 раза, а у нас получилось - в 4,5 раза. И два года жизни и очень интенсивной работы просто было перечеркнуто, как будто этого и не бывало... Короче говоря, клетка, где возможностей для творчества не было.

Мне кажется, что шестидесятники это не совсем «поколение». Шестидесятники выступали за свободу, демократию, честность, преданность своей стране. Чем больше таких людей в обществе, тем общество здоровее. И

здесь совсем не так важно партийное направление – левое или правое. Самое главное – это все-таки преданность свободе, честности и, я бы сказала, Родине. Потому что все эти разговоры на кухнях были о России. А не о том, что купить или что почем. Это были разговоры о России, ее истории, ее будущем, о путях этого будущего. Разговоры, конечно, были разные, и взгляды были, конечно, разные.